

Оспаривание отцовства субъектами наследственных прав

Б.А. Булаевский

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Принятое во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации правило Семейного кодекса Российской Федерации о возможности оспаривания отцовства наследниками лица, записанного в качестве отца ребенка, требует системного толкования норм семейного и гражданского законодательства. По мнению автора, ключевым фактором бесконфликтного применения нового правила является установление наличия семейно-правового интереса у наследников лица, записанного в качестве отца ребенка. Необходимым указывается также учет поведения лица, записанного в качестве отца ребенка. Определяются обстоятельства, значимые для вмешательства в дела семьи. Делается вывод о необходимости корректировки действующего нормативного регулирования.

Ключевые слова: оспаривание отцовства, наследники лица, записанного в качестве отца ребенка, интересы наследников, семейно-правовой интерес, множественность правовых статусов, запрет на произвольное вмешательство в дела семьи.

Применение значительного количества правовых норм в повседневной жизни, как правило, не представляет каких-либо трудностей. Вместе с тем ясность закона не всегда очевидна, и по этой причине нередко возникает потребность в установлении его содержания.

Имеются такие положения и в действующем семейном законодательстве.

Одним из них, по нашему мнению, является правило абз. 2 п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), появившееся в 2022 г. [1] в связи с реализацией предписания Конституционного Суда Российской Федерации, признавшего п. 1 ст. 52 СК РФ, а также ряд правил гражданского процессуального законодательства Российской Федерации в их взаимосвязи несоответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служили основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений с нарушениями требований закона (в отсутствие его волеизъявления, на основании подложных документов и т. п.), в принятии искового заявления об аннулировании такой записи, а если производство по делу

возбуждено – для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу [6].

Как известно, до указанного момента запись родителей в книге записей рождений, произведенная в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 51 СК РФ, могла быть оспорена в судебном порядке по требованию одного из следующих лиц:

- лица, записанного в качестве отца или матери ребенка;
- лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка;
- самого ребенка по достижении им совершеннолетия;
- опекуна (попечителя) ребенка;
- опекуна родителя, признанного судом недееспособным.

В дополнение к данному правилу новая норма (абз. 2 п. 1 ст. 52 СК РФ) предоставила аналогичную возможность:

- наследнику лица, записанного в качестве отца ребенка.

При этом особо отмечено, что соответствующие требования могут быть удовлетворены в случае нарушения положений п. 2 ст. 51 СК РФ, в том числе если такая запись произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке.

На первый взгляд, никакой сложности в понимании предложенного правила нет – указаны примерные виды нарушений, обозначено лицо, которому предоставлено соответствующее право, все четко и ясно. Но как только задумываешься о том, кто может явиться под личиной «наследника лица, записанного в качестве отца ребенка», сразу же появляются вопросы о корректности столь пространного обозначения статуса управомоченного субъекта.

В соответствии с действующим законодательством указанным наследником может оказаться не только кто-либо из так называемого «близкого круга умершего», из круга его семьи, но и любые иные лица, в том числе лица юридические, а также публично-правовые образования.

Но все ли из указанных лиц должны обладать правом оспаривания отцовства? Насколько подобное нормативное решение оправдано и не привносит ли оно в существующую систему отношений дестабилизирующее начало? Не оказываются ли под угрозой традиционные семейные ценности?

Предоставление наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка, права оспаривать отцовство ориентировано в первую очередь на охрану наследственных интересов участников гражданского оборота. Что до семейных интересов, то их охрана если и возможна, то только опосредованно, а в ряде случаев и вовсе не реализуется. Именно поэтому признавать любого наследника лица, записанного в качестве отца ребенка, субъектом права оспаривать отцовство представляется недопустимым.

Да, примеры вовлечения в определенные отношения субъектов, которые по своей основной функции «замысливались» для других определенных отношений, в праве не редкость. Но их статус в соответствующих случаях либо нейтрален, либо обусловлен наличием у них особого интереса, причем не в каком-то ином отношении, а именно в том, куда он привлекается в несвойственной для себя роли.

О «нейтральных» статусах уместно вести речь лишь в тех случаях, когда в определенные правоотношения вовлекаются лица уполномоченные – лица с публично-правовыми статусами (прокурор, орган опеки и попечительства, нотариус и т. п.).

Если же речь идет о статусах, обусловленных особыми интересами, то перед нами пример множественности однородных, частноправовых статусов, совмещенных в одном лице – носителе разнообразных интересов [2, с. 10].

Особо стоит отметить случаи, когда тот или иной субъект упоминается в связи со своим известным статусом, но при этом не «пользуется» им. В подобных ситуациях речь идет о приеме юридической техники, в силу которого, *по целесообразности* (выделено автором – Б.Б.), лицо наделяется несвойственными ему возможностями для достижения целей правового регулирования.

Например, в сфере частного права подобное положение иногда занимает нотариус (см., например, о нотариусе, который в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления наследственным имуществом – п. 1 ст. 1173 Гражданского кодекса РФ).

Представляется, что, когда в семейном праве упоминается наследник – субъект наследственных правоотношений, его появление возможно лишь при наличии у него собственного интереса в семейных отношениях и уж точно не по целесообразности, а по причине того, что всякое право есть форма признания интереса [4, с. 53–79; 5, с. 302–303].

Тот факт, что публичный порядок надеется на каждого (например, в деле поддержания правопорядка, когда речь идет о недопустимости правонарушений) – еще не повод, чтобы перекладывать бремя его поддержания на кого угодно.

Было бы странно наблюдать в правоприменении ситуации, когда требование лица об оспаривании своего отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка (п. 2 ст. 52 СК РФ), а аналогичные требования его наследников (в том числе юридических лиц и публично-правовых образований) приобретают со смертью такого лица иной режим. Допустимые исключения должны отражаться в законе (в настоящее время речь может идти, в частности, о лицах, поименованных в абз. 1 п. 1 ст. 52 СК РФ).

В отечественном семейном праве, где запрет на произвольное

вмешательство в дела семьи возведен в ранг правового принципа, игнорирование последнего в контексте противопоставления интересов семьи и внесемейных интересов способно существенно поколебать правовые установки публичного порядка.

Для корректности вмешательства необходима, как минимум, однопорядковая природа интересов, один частный семейный интерес должен противопоставляться исключительно другому частному семейному интересу. Допустимо также вторжение в сферу действия частного семейного интереса при его противоречии интересам семьи [3]. Что до публичных интересов, то обусловленное ими вмешательство возможно лишь при чрезвычайных обстоятельствах, а основной ориентир для такого вмешательства – правила ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которыми «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

С учетом вышеизложенного, наследник лица, записанного в качестве отца ребенка, должен пониматься исключительно как гражданин с собственным семейно-правовым интересом (причем не абы каким, а сообразным предоставленному соответствующему лицу праву).

Уместно заметить, что Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность рассматриваемого в данной статье положения п. 1 ст. 52 СК РФ, ориентировался исключительно на интересы граждан (и не упоминал ни юридических лиц, ни публично-правовые образования).

В п. 6. Постановления Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П, в частности, отмечается: «... хотя сложившиеся в правоприменительной практике подходы к истолкованию указанных законоположений при предъявлении требований, направленных на оспаривание отцовства, не расходятся с конституционными целями и ценностями, отсутствие у граждан (выделено автором – Б.Б.) возможности требовать аннулирования записи акта об установлении отцовства, сделанной с нарушениями требований закона (на основании подложных документов), в том числе с целью защиты наследственных прав, может иметь неоднозначные юридические последствия, в том числе в нарушение конституционных установлений о правовом государстве, равенстве всех перед законом и судом, гарантий права наследования, а также об их обеспечении правосудием (статьи 2, 17, 18, 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации), и, следовательно, не отвечает требованиям приведенных статей Конституции Российской Федерации» [6].

Как известно, семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи и допускает участие в них «иных лиц» лишь в случаях и пределах,

предусмотренных семейным законодательством (ст. 2 СК РФ).

Простое упоминание «наследников лица, записанного в качестве отца ребенка» (читай – «иных лиц» – выделено автором – Б.Б.) в качестве субъектов права на оспаривание отцовства – это лишь случай, предусмотренный законодательством. Пределы участия соответствующих лиц в семейных отношениях также установлены, однако указание на них в законе, по сути, опосредованное и требует толкования.

Одним из таких пределов можно считать упоминавшееся правило п. 2 ст. 52 СК РФ, в котором определяется объем возможностей лица, знавшего о своем фактическом статусе «не отца». Но если лицу, чьи интересы в определенных семейных отношениях очевидны, отказано в оспаривании отцовства, то почему следует отступить от предложенного законом регулирования (раздвигая пределы участия в них «иных лиц») в случае его смерти и тем более в пользу тех, кто не имеет никакого интереса в рамках семейных отношений, лишившихся одного из своих субъектов?

Представляется, что на первых порах верный ориентир способна предложить правоприменительная практика. А в перспективе необходима корректировка положений абз. 2 п. 1 ст. 52 СК РФ путем указания в них исключительно на наследников-граждан, с соответствующей семейно-правовой заинтересованностью.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.08.2022 г. № 362-ФЗ «О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации». – Официальный интернет-портал правовой информации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Булаевский Б.А. Субъекты наследственного права как участники гражданских правоотношений // В кн.: Субъекты наследственного права: монография. М.: Проспект, 2025. 208 с.
3. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.
4. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Издательский дом «Городец», 2007. 192 с.
5. Нечаева А.М. Правовое положение граждан в брачно-семейных отношениях // В кн.: Гражданско-правовое положение личности в СССР. М.: изд-во «Наука», 1975. 400 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БУЛАЕВСКИЙ Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» (123242, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1), SPIN-код: 2046-5133, AuthorID: 281618, e-mail: bboulaevski@rambler.ru

Contesting paternity by subjects of inheritance rights

B.A. Bulaevskiy

University named after O.E. Kutafina (MSAL), Moscow

The rule of the Family Code of the Russian Federation, adopted in pursuance of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, regarding the possibility of challenging paternity by the heirs of the person registered as the father of the child, requires a systematic interpretation of the norms of family and civil legislation. According to the author, the key factor in the conflict-free application of the new rule is the establishment of the existence of a family law interest among the heirs of the person registered as the child's father. It is also necessary to consider the behavior of the person registered as the child's father. Circumstances significant for intervention in family affairs are determined. A conclusion is reached regarding the need to adjust the current regulatory framework.

Keywords: *contesting paternity, heirs of the person registered as the child's father, interests of the heirs, family law interest, multiple legal statuses, prohibition of arbitrary interference in family affairs.*

About author:

Bulaevskiy Boris – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Associate Professor of the Department of Notaries of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL) (123242, Moscow, internal territorial unit of the Presnensky municipal district, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 1), SPIN-код: 2046-5133, AuthorID: 281618, e-mail: bboulaevski@rambler.ru

Булаевский Б.А. Оспаривание отцовства субъектами наследственных прав // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 26–31.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.